

Публикуются на сайте с разрешения правообладателя.
[«Люби Россию в непогоду»](#) (2006) Публицистика (М., Вагриус, 2006)

Борис Васильев

ЛЮБИТЬ ИЛИ ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ?

Глаголу «любить» не повезло в русском языке: у него не оказалось синонима, определяющего особые отношения между мужчиной и женщиной. Поэтому у нас любят все подряд. Квашеную капусту и жареную картошку, огуречный рассол по утрам и рюмку водки под селедочку, маму и георгины, родину и рыбалку, товарища Сталина и дедушку Ленина – словом, все, что приносит чувства приятные и как бы несколько вкусово разнообразные. Физиологические куда более, нежели духовные.

А государство наше, собранное мечом и мечом неоднократно же и спасаемое, в качестве объекта особой любви предложило и, так сказать, меченосцев. Вот их мы любим особо, подчеркнуто, проникновенно и упоенно. Правда, есть, за что, но возлюбили мы их невероятно почему-то именно в Двадцатом веке.

За всю свою более, чем тысячелетнюю историю наше Отечество провело почти полтора столетия войн и военных стычек. Мы побеждали и терпели поражения – суть не в этом. Суть в том, что наши предки, частенько хватаясь за мечи, никогда, ни единого раза не упомянули о своей особой любви к Родине. Ни в Летописях этого нет, ни в мемуарах, ни в документах. Они просто исполняли свой долг, не щадя живота своего. Вот об этой беспощадности к самим себе во имя исполнения долга Летописи пишут весьма часто.

И что любопытно: ни воины Святослава, ни дружинники Александра Невского, ни Преображенцы Петра Первого, ни солдаты Кутузова никогда не полагали себя патриотами. Об этом молчат Летописи и мемуары, записки и реляции, донесения Государю и личные письма. Исполнение долга было самодостаточным, потому что честь воина России заключалась не в том, чтобы кричать на всех перекрестках о своей любви к Отчизне – это разумеется само собой, как любовь к матери – а чтобы долженствовать. Отдать ему, Отечеству своему, долг ценою, если понадобится, в собственную жизнь.

Это замусоленное многими устами слово заново родилось в России в конце прошлого века с иным смыслом, нежели тот, который вкладывали марсельцы во время своего знаменитого марша на Париж. Для них, марсельцев, патриотом был тот, кто, себя не щадя, сражался за Францию завтрашнего дня.

Кстати, этот способ проверки «святой любви к Отечеству», как поется в Марсельезе – единственный и безошибочный. Иной лакмусовой бумажки больше не существует. Можно сколь угодно долго разглагольствовать о ней со всех мыслимых трибун, но испытание для него – одно. Сознательный риск собственной жизнью во имя Отчизны. Рассуждения о патриотизме в каком-либо ином виде звучат оскорбительно для граждан любой страны. А громкая эта шумиха возникла по воцарении Александра 3-го, и тому было много причин. Упомянем две из них:

1. Александр 3-й был вторым сыном трагически погибшего Государя Александра 2-го. Первым, а, следовательно, и наследником был старший сын, Николай. Его и готовили для этой высокой цели. Он с отрочества присутствовал на Государственных Советах и совещаниях, с ним подолгу беседовал отец, разъясняя необходимость огромных и всеобъемлющих реформ, посвящал его в свои планы, и можно полагать, что своевременно растолковал наследнику и о неотвратимости введения Конституционной монархии, если Россия желает оставаться великой Европейской державой. В семье европейских народов, а не на ее задворках. Александр 2-й был западником и отчетливо понимал, что место России – в Европе, а не неком странном географическом понятии Евразия.

2. Александра 3-го готовили в Главнокомандующие Российской армией. Место Госсовета занимал Генштаб, место Государственных совещаний – плац с солдатской муштрой, которую он очень любил. Он не любил отца. Участвуя в Русско-Турецкой войне в чине, соответствующей принцу, он бездарно провел кампанию под Руцуком, за что получил выволочку не только от венценосного батюшки, но и от его Начальника штаба генерала Непокойчицкого. Кроме того, он не терпел отцовского интеллигентного интернационализма, привлекавшего в госаппарат людей не по национальному признаку, а по личным достоинствам.

Александр 3-й был тем самым русским «патриотом», которые видят патриотизм, так сказать, в отрыве от его основного содержания, больше уповая на форму его внешнего проявления. И когда наследник Николай скончался в Париже, а отец пал жертвой экстремистов, этот выпяченный, картинный патриотизм был противопоставлен внепланово заполучившим власть Александром 3-м как европейским увлечениям отца, так и социальным движениям собственного народа.

Общественная жизнь России того времени уже бурлила, подогретая великими реформами Александра 2-го. И этот показушный, внедряемый сверху «патриотизм» призван был повернуть стрелку общественного оживления назад. В прошлое. Даже гимн Французской республики знаменитая «Марсельеза» была запрещена в ее русском варианте.

«Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла...»

Период торжества оголтелого национального «патриотизма» оставил глубокий шрам на теле России. Наследник Александра 3-го, знаменитого лишь своей бычьей силой, любовью к сапогам и болезненным пристрастием к водке, Николай 2-й, будучи послушным сыном, пошел по стопам отца, а не деда, что, в конечном итоге, и обернулось для России крушением в 17-м году.

Не нужно думать, что История мстит. История учит не повторять ошибок, но учение не было сильной чертой последнего русского императора. Слабый, безвольный, легко теряющийся сын запойного алкоголика привел Россию к величайшей трагедии за все время ее многострадального существования. Она просто перестала существовать.

Современные вопли многочисленных «отчизников», «отечественников» и иже с ними есть невероятная жажда записать чужую кровь на свой счет. Успокойтесь, а успокоившись, подумайте, что войны делятся совсем не на «справедливые» и «несправедливые» по той простой причине, что на свете нет и не может быть СПРАВЕДЛИВОГО уничтожения себе подобных. Все войны делятся на те, которые «ЗА» - за Отечество, за спасение твоего народа – и на те, которые «ПРОТИВ». Против финских захватчиков, против польских офицеров, против Амина, Дудаева, Ангольского режима или, с трудом, но все же – допустим, против террористов. И те, кто воевал «ЗА», гордо носят свои ордена и медали, а которые «ПРОТИВ»... Мне очень жаль, но при всем моем уважении к вашему мужеству не могу не сказать со всей откровенностью. Вас использовали, ребята, как используют пешки в шахматной партии. Понимаю, это не ваша вина, это – ваша беда, но из песни слова не выбросишь.

А песня у нас – одна на всех, зато – государственная: «мы – мирные люди, но наш бронепоезд...». Верховная обслуга этого бронированного монстра ходит в особой форме, которая для России всегда значила больше, нежели профессорская мантия. Вот этот самый бронепоезд по вышесказанной причине и оказался с норовом, который не может укротить ни одно Правительство и ни один Президент. Он то и дело поперек путей разворачивается и бьет по тем же целям, по каким еще Сталин навел прицел. И горят дома, и бегут женщины, и взрываются дети... Неужели горе целого народа стоит генеральских орденов с бантами и аксельбантами на всю грудь навывкате? Добавьте сюда наших убитых и искалеченных ребят, в чем я, каюсь, никак не могу обвинить чеченцев. Совесть не позволяет.

Это ведь они воюют «ЗА». Они. А мы – «ПРОТИВ». Вот в эти два предлога и укладывается весь наш современный Ура-патриотизм. Спросите господ Депутатов Государственной Думы, у кого из них сын воюет в Чечне?... Сыщете одного-двух от силы. А слова «патриот» и «патриотизм» звучат с трибун едва ли не каждое заседание.

Позвольте поворчать на прощание. Для меня словосочетания «патриот своего дела» или, там, «патриот своего города» звучат абракадаброй. Ведь «патрия» означает Отечество. И более ровно ничего.

Патриотизм предполагает объединение нации в экстремальных условиях. Патриот в мирное время, мягко говоря, бессмыслица, пустое обозначение «своего» в отличие от «чужих». Теряется сама сущность этого высокого определения. Вот когда, не дай Бог, нам придется отстаивать свою Отчизну от, допустим, талибов (которых, кстати, мы и вывели на тропу войны), тогда и только тогда выяснится, кто – патриот, а кто – не очень. Вот тогда и слово станет уместным и нужным, и спрос с него – соответственно. А пока работать надо. Просто – работать, без всякого патриотизма. Он мирной жизни не требуется. Звон один.

В заключение напомним хорошо известное русской интеллигенции определение горластых «патриотов» конца прошлого и начала этого века: **КВАСНОЙ ПАТРИОТИЗМ**. Огульное восхваление всего своего, даже отсталых форм жизни и быта, и порицание всего чужого. (Академический Словарь русского языка).